

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЮТ...

Ирина АРХИПОВА:

ОТ НИЛОВНЫ
К КОМИССАРУ

— Ирина Константиновна, каким помнится вам дебют!

— Моя встреча с советской оперой произошла в Свердловске. Мне была поручена роль директора приисков Шамановой в опере Крейна «Таня» по одноименной пьесе Арбузова. Через год я была приглашена в Большой, и после дебютов в «Кармен» и «Царской невесте» началась моя работа над очень сложной партией Ниловны в опере Хренникова «Мать».

— Насколько мне известно, назначение на эту роль в какой-то степени явилось результатом вашего успешного выступления на V Всемирном фестивале молодежи в Варшаве.

— На этом фестивале присутствовал Тихон Николаевич Хренников, и, слушая меня, он предположил, что я смогу справиться с высокой меццо-сопрановой партией Ниловны. Он не ошибся: высокая tessitura мне подходила. Вскоре началась интересная творческая работа на сцене Большого театра. И Кармен, и Амнерис в «Аиде», и Любава в «Царской невесте» были вводами в уже идущие спектакли, а здесь начиналась подготовка нового произведения. Это было трудно, но, конечно, если говорить честно, то сначала я не очень сознавала, что моя задача столь сложная, — все трудности я поняла значительно позже, когда научилась в этом разбираться. Молодым певцам часто свойственно не видеть вокальных, музыкальных и драматургических сложностей оперного произведения. Может быть, это и хорошо, молодость дерзает. Оглядываясь назад, анализируя пройденное, могу сказать: это была очень интересная работа, она принесла мне большую творческую пользу, но если бы я вновь вернулась к роли Ниловны, то наверняка теперь спела бы эту партию более разнообразно, более глубоко.

— А как проходила творческая работа с композитором!

— Хочу сказать, что весь подготовительный процесс будущей премьеры шел в теснейшем контакте с автором. Тихон Николаевич Хренников постоянно бывал на репетициях, слезках, показывал сам некоторые сцены, дуэты, высказывал свои пожелания, подолгу беседовал с режиссером-постановщиком спектакля Николаем Павловичем Охлопковым и вместе с тем внимательно прислушивался к замечаниям певцов. Например, бывали не очень удобные подтекстовки, но очень удобные вокальные фразы, композитор всегда охотно шел нам навстречу.

Некоторые мои предложения — я была тогда совсем молодой певицей — он внимательно выслушал, и результат был положительным.

— Ирина Константиновна, какие новые советские героини вошли потом в вашу жизнь!

— Последующие две встречи — с моими современниками. Первая из них — девушка Хаят из оперы Жиганова «Муса Джалиль» и медицинская сестра Клавдия, созданная Сергеем Прокофьевым в «Повести о настоящем человеке». Следом за «Повестью о настоящем человеке» началась большая работа над ролью Варвары Васильевны — председателя колхоза в опере Родиона Щедрина «Не только лю-

И. АРХИПОВА в роли Комиссара.

бов». Хотя это был первый оперный опус композитора, мне очень нравилась опера, и я очень жалею, что она сейчас не идет в Большом театре. Для меня это была встреча с необычным сочинением: ну, во-первых, бытовая опера, во-вторых, композитор использовал частушки современной деревни. Он дал весьма оригинальную гармонизацию, пронизанную острыми и сложными современными ритмами, характерными для творчества Щедрина...

— И все-таки, вероятно, сейчас вы подошли к одному из самых интересных творческих достижений в советском оперном искусстве. К одной из главных партий своего репертуара. Я имею в виду роль Комиссара в «Оптимистической трагедии» композитора Холминова.

— Да, это интереснейшее произведение. Оно поражает не только своими могучими хорами, но и некоторыми персонажами, и в первую очередь необходимо говорить об образе Комиссара как, пожалуй, о самом сложном. Музыкальный язык этой партии драматичен. Распевные эпизоды мало, целые сцены построены на речитативах, а это требует от певца владения выразительным словом.

— Мне неоднократно приходилось встречаться с композитором Холминовым, от него я знаю, что ваш творческий контакт существует уже многие годы. Расскажите, пожалуйста, об этом подробнее.

— В 1958 году, к 40-летию Ленинского комсомола, Александр Николаевич написал интересный монолог Матери, который я исполняла в концерте, посвященном этой дате. Это был концерт-гала во Дворце спорта — тогда еще не было Дворца съездов. Позднее по моей просьбе Холминов написал «Оду Родине», ее я часто пою в праздничных концертах.

— И, как я знаю, автор это произведение посвятил вам! Да и не только оду. Я как-то читал выступление Александра Николаевича в «Советской культуре», где он писал, что, создавая свою «Оптимистическую...», он в роли Комиссара видел именно вас. Ваши вокальные, актерские возможности, вашу артистическую индивидуальность. Однако премьера спектакля отчего-то прошла не на столичной сцене, следовательно, не с Архиповой...

— Дело в том, что Большой театр сразу не смог осуществить постановку этой монументальной оперы. У нас ведь свои традиции. Свои требования. Но вот мы начали работать с Холминовым над этим произведением: даже замыслили расширить диапазон партии Комиссара, сделать tessitura в некоторых эпизодах более высокой, более напряженной — это необходимо для укрепления образа, Александр Николаевич хотел включить в мою партию монолог.

— Какой монолог! Вновь написанный! Его раньше не было!

— Нет, он был в первой редакции, но потом Холминов его опустил, затем снова вставил и даже развил. Вообще при постановке этой оперы в Большом театре автор учитывал все возможности нашего коллектива и сделал новую, специальную редакцию. Прекрасны здесь образы Алексея, Вожака, Вайнонена, Сиплого. Замечательная музыка.

— Ирина Константиновна, существуют различные методы работы над ролью: одни актеры тщательно исследуют, что было создано раньше — знакомятся с первоисточниками, воспоминаниями, изучают эпоху, костюмы, рецензии и т. д., а другие избирают совершенно иной путь, то есть сознательно ограждают себя от какой бы то ни было информации. Что предпочитаете вы!

— Мне задают иногда подобные вопросы: видела ли я кинофильм с этим названием, изучала ли материалы, связанные с первой исполнительницей этой роли, ходила ли в Малый театр на «Оптимистическую трагедию»? Я всегда отвечаю: в кино не ходила, материалы не изучала, актрису Нифонтову, играющую эту роль, очень люблю, но не видела. Знаю, разумеется, что Всеволод Вишневский, создавая Комиссара, имел в виду Ларису Рейснер. Вот ее мемуары и исторические очерки читала с большим интересом! Мне не хотелось заимствовать ничего чужого. Стремилась сыграть эту роль так, как я ее чувствую, как себе представляю. Вот почему самым высоким комплиментом были после премьеры слова многих актеров старшего поколения: «Вы напоминаете нам первую исполнительницу роли Комиссара — Алису Коонен». Премьера возобновленного спектакля состоялась 25 сентября и посвящается историческому празднику 60-летия Октября.

— В первых числах сентября в Большом театре состоялась второе рождение еще одиной советской оперы — «Октябрь» Вано Мурадели. Снова те же революцион. В этом спектакле, я знаю, вы создали интересный и неожиданный образ идеологического противника революции.

— Работая над ролью графини «Н», я думала вот о чем: Графиня и Комиссар — современники, которые пошли разными путями. Графиня и ее окружающие исторически обречены. В этой партии есть мрачный монолог — так называемое танго смерти. «Кого ждет жизнь, кого ждет смерть?» — вопрошает графиня. Сегодняшний зритель и слушатель оперы знает, как ответила на этот вопрос эпоха, революционным ураганом сметаю с сцены бывших людей. А героическая смерть Комиссара утверждает не только жизнь революции, но и жизнь новых поколений. Я уверена, что обе оперы звучат сегодня не только как музыкальная иллюстрация нашей истории. Они символизируют и современную ситуацию в мире — героики новых созданий за счастье человечества, сражений с миром реакции, не желающим уступить прогрессу. Вот в чем истинная причина внимания к этим спектаклям зрителя, отмечающего в эти дни великий юбилей Великого Октября.

Вел беседу
Анатолий БОЙКО